

Александр Житинский

Подданный Бризании

*Часть сборника
Снюсь (сборник)*

Младший научный сотрудник Петр Верлухин

Александр Житинский
Подданный Бризании

«Геликон Плюс»

1988

Житинский А. Н.

Подданный Бризании / А. Н. Житинский — «Геликон Плюс»,
1988 — (Младший научный сотрудник Петр Верлухин)

«До сих пор не представляю – кому пришла в голову гениальная мысль послать меня в Африку. Кто-то, видимо, очень хотел мне удружить. А заодно избавиться от меня года на два. Думаю, что это был Лисоцкий. Мы с ним с некоторых пор находились в натянутых отношениях. Когда вас посылают в Африку, это делается специальным образом. Это ничуть не похоже на обычную командировку. Ритуал значительно богаче и сложнее. Все начинается со слухов...»

© Житинский А. Н., 1988

© Геликон Плюс, 1988

Содержание

Ленинград – Одесса	5
Одесса – Босфор	8
Босфор – Средиземное море	11
Средиземное море – Неаполь	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Подданный Бризании

Ленинград – Одесса

До сих пор не представляю – кому пришла в голову гениальная мысль послать меня в Африку. Кто-то, видимо, очень хотел мне удружить. А заодно избавиться от меня года на два. Думаю, что это был Лисоцкий. Мы с ним с некоторых пор находились в натянутых отношениях.

Когда вас посылают в Африку, это делается специальным образом. Это ничуть не похоже на обычную командировку. Ритуал значительно богаче и сложнее. Все начинается со слухов.

Вот и у нас однажды пронесся слух, что где-то в Африке требуются специалисты. Там, видите ли, построили политехнический институт и не знают, что с ним делать. Нужно учить людей, а учить некому. Строить институты в Африке уже умеют, а преподавать еще нет.

Через неделю выяснилось, что страна называется Бризания. Я искал на карте, но не нашел. Бризания появилась на свет позже, чем карта.

А мы уже прикидывали в уме, кого пошлют. Хотя разговоров об этом еще не было. Но я то понимал, что Бризания появилась на горизонте не случайно. Ничего случайного не бывает. Вот и Бризания не случайно получила независимость. Была какая-то тайная к тому причина. Потом, гораздо позже, я догадался, что в Бризании ввели независимость специально, чтобы меня туда командировать. Была у Бризании такая сверхзадача.

Но тогда относительно себя я был спокоен. Меня никак не должны были послать. Не говоря о том, что я беспартийный, я еще и безответственный. А туда нужен партийный и ответственный. Лисоцкий нужен, одним словом. Я так и решил, что пошлют Лисоцкого.

Вдруг меня вызвали в партком. Там сидели ректор, парторг и еще один человек, незнакомый и молодой. С пытливыми глазами. Он энергично пожал мне руку, и при этом я узнал, что его фамилия Черемухин. А зовут Пашка. Но на это имя мы перешли позже, ближе к Африке.

– Петр Николаевич, как ваши дела? Как семья, дети? – ласково спросил парторг.

Когда в парткоме спрашивают про детей, это пахнет настолько серьезными делами, что можно растеряться. Я и растерялся. Я побледнел и беспомощно развел руками, будто был злым алиментщиком, и вот меня взяли за хобот.

– Растут... – сказал я.

Черемухин в это время внимательно изучал мой внешний вид. Вплоть до ботинок. Мне совсем стало плохо, потому что ботинки были, как всегда, нечищенными.

А они продолжали меня пытаться по разным вопросам. Включая идеологические. На идеологические вопросы я отвечал правильно. Про диссертацию сказал, что она не совсем клеится. Черемухин вопросительно поднял брови. Ему это было непонятно.

Поговорили мы с полчаса, и они меня отпустили. Уходя, я оглянулся и спросил:

– А собственно, по какому вопросу вы меня вызывали?

– Да так... – сказал парторг, отечески улыбаясь.

Когда я вернулся на кафедру, там уже на каждом углу говорили, что меня посылают в Африку. Слухи передаются со скоростью света. Это установили еще до Максвелла.

И действительно, меня, как это ни парадоксально, стали посылать в Африку. Посылали меня долго, месяцев шесть. Политехнический институт в Бризании в это время бездействовал. Так я понимаю.

Меня приглашали, я заполнял анкеты, отвечал на вопросы, учился искать на карте Бризанию и повышал идейный уровень. Он у меня был низковат.

Через шесть месяцев я научился правильно находить Бризанию на карте. Она помещалась в центре Африки и занимала площадь, которую можно было накрыть двухкопеечной монеткой.

На кафедре мнения относительно моей командировки разделились. Гена говорил, что я оттуда привезу автомобиль, а Рыбаков утверждал, что меня съедят каннибалы. Ни то, ни другое меня не устраивало. Я представил себе, как буду тащить из самой середки Африки, через джунгли и саванны, этот несчастный автомобиль, и мне стало плохо. Пускай уж лучше меня съедят.

Благодаря всей этой канители я стал читать газеты. Про Бризанию писали мало. Все больше ссылаясь на агентство Рейтер. В Бризании была демократическая республика. Во главе республики стоял император. Таким образом, это была монархическая республика. Она шла к социализму, только своим путем.

Я все еще слабо верил, что попаду туда. Это событие казалось не более вероятным, чем появление пришельцев. Всегда в последний момент что-то должно помешать. Землетрясение какое-нибудь или происки реакции. Или вдруг выяснится, что никакой Бризании нет, а это просто очередная утка агентства Рейтер.

Чтобы не волновать жену, я ей ничего не говорил. Только когда мне дали международный паспорт, где в отдельной графе были указаны мои приметы, я показал его жене.

– Еду в Африку, – сказал я. – Вернусь через два года.

– Неостроумно, – сказала жена.

– Я тоже так считаю, – сказал я.

– Лучше бы пошел в булочную. В доме нет хлеба.

– Теперь придется к этому привыкать, – сказал я. – Некому будет ходить за хлебом. Я буду присылать вам бананы.

– Не прикидывайся идиотом, – сказала жена.

И тут я выложил паспорт. Жена взяла паспорт так, как описал поэт Маяковский. Как бомбу, как ежа и как еще что-то. Она посмотрела на мою физиономию в паспорте, сверила приметы и села на диван.

– Слава Богу! – сказала она. – Наконец я от тебя отдохну.

– Ты не очень-то радуйся, – сказал я. – Возможно, я вернусь.

– К разбитому корыту, – прокомментировала она.

– Починим корыто, – уверенно сказал я. – Кроме того, я привезу кучу денег. В долларах, марках, фунтах и йенах.

– Дурак! – сказала она. – Йены в Японии.

Грамотная у меня жена! Даже не захотелось от нее уезжать. Но долг перед прогрессом человечества я ощущал уже в крови.

Да! Самое главное. Сюрприз, так сказать.

На последней стадии оформления выяснилось, что я поеду не один. Один я бы там заблудился. Со мною вместе отправляли Лисоцкого. А с нами ехал тот самый Черемухин, с которым я успел достаточно познакомиться за полгода. Черемухин был далек от науки, зато близок к политике. Он окончил институт международных отношений и рвался познакомиться с Бризанией. Черемухин знал очень много языков. Практически все, кроме русского. По-русски он изъяснялся кое-как.

Я всегда был убежден, что рыть яму ближнему не следует. А если уж роешь, то надо делать это умело, чтобы самому туда не загреметь. А Лисоцкий загремел. Он, видимо, немного переусердствовал, рекомендуя меня в Африку. В результате решили, что Лисоцкий имеет к Африке какое-то интимное отношение, и нужно его тоже отправить. Лисоцкий попытался дать задний ход, но было уже поздно. Тогда он сделал вид, что страшно счастлив. Он бегал по кафедре, ловил меня, обнимал за плечи и принимался планировать нашу будущую жизнь в Бризании буквально по минутам. Я уже с ним кое-где бывал вместе, поэтому слушал без восторга.

Наступило, наконец, время отъезда.

Маршрут был сложный. Прямого сообщения с Бризанией еще не налажилось. Черемухин сказал, что поедем синтетическим способом. Он имел в виду, что мы используем все виды транспорта. Черемухин и не подозревал, насколько он был близок к истине. Тогда он думал, что мы поедем так:

1. Ленинград – Москва – Одесса (поезд),
2. Одесса – Неаполь (теплоход),
3. Неаполь – Рим (автобус),
4. Рим – Каир (самолет),
5. Каир – Бризания (на перекладных).

– На каких это перекладных? – спросил я.

– Верблюды, слоны, носильщики... – сказал Черемухин. – Да не бойся ты! Язык до Киева доведет.

Между прочим, это были пророческие слова, как вы потом поймете.

– А какой там язык? – спросил я.

– На месте расчушаем, – сказал Черемухин.

Этот разговор происходил уже в поезде «Красная стрела» сообщением Ленинград – Москва. О душераздирающих сценах прощания с родными и близкими я распространяться не буду. Это легко представить. Чуть-чуть отдышавшись от объятий, мы, будущие бризанцы, сели в купе за столик и стали пить коньяк. Наш, армянский, за бутылку которого в Бризании дают слона с бивнями.

У Лисоцкого багаж был порядочный. Три чемодана.

У Черемухина один чемодан.

У меня, как всегда, портфель. В портфеле зубная щетка, полотенце, мыло, электро-бритва, белая рубашка на случай дипломатических приемов и еще одна бутылка коньяка для обмена. Мы ее выпили в районе Бологого. Лисоцкий иронически взглянул на мой портфель и заметил, что у меня, наверное, много денег, чтобы там все купить.

– На набедренную повязку хватит, – сказал я.

Одесса – Босфор

До Одессы мы доехали благополучно. В Москве нас еще раз проинструктировали, как себя вести во всех непредвиденных обстоятельствах. Включая сюда провокационные вопросы, вербовку и нападение стада носорогов на наш мирный караван. У Черемухина было очень ответственное лицо. У Лисоцкого испуганное. Я с трудом удержался от идиотских вопросов.

Ну, до Одессы все ездили, поэтому я об этом рассказывать не буду. А вот попасть южнее Одессы удавалось уже немногим. Так что я начну с момента, когда мы пересекли государственную границу. Первый раз мы ее пересекли в таможне. Как я и предполагал, один из чемоданов Лисоцкого пришлось тащить мне. В нем были разговорники на разных языках.

Второй раз мы пересекли границу в море. Теплоход был туристский. Он совершал круиз вокруг Европы. Все ехали в круиз, кроме нас. Теплоход назывался «Иван Грозный». Мы с Лисоцким стояли на корме и смотрели на удаляющийся берег. Глаза у нас были влажными. Мы прощались надолго, поэтому старались всюю. Туристы переживали прощание поверхностно.

«Иван Грозный» дал важный гудок и стал уверенно пересекать Черное море.

Тут прибежал Черемухин. До необычайности деловой.

– Я нашел человека, который был в Бризании! – сказал он по-португальски. Потом хлопнул себя по лбу, изображая рассеянность, и перевел. По-моему, он просто демонстрировал, что он полиглот. А нам все равно. Я, например, португальского от хинди на слух отличить не могу. Так что он старался зря.

Черемухин схватил нас под руки и потащил куда-то вниз. Мы стали спускаться в котельную. То есть в машинное отделение. Какой-то человек с нашивками на рукаве пытался нас остановить, но Черемухин что-то ему показал и громко прошептал на ухо:

– По разрешению капитана!

Котельная находилась глубоко. Мы долго громыхали по крутым железным лесенкам, наступая друг другу на головы. Я ожидал увидеть кочегара у топки с лопатой, но там все было не так. В котельной уже совершилась научно-техническая революция. Было чисто, как в операционной. Вскоре мы нашли мужика в белом берете, который своими глазами видел Бризанию.

Он стоял на вахте и смотрел на прибор. Наверное, манометр. Стрелка манометра упиралась в цифру 9. Мужик у этого, по-видимому, нравилось. Он скрестил руки на груди и, улыбаясь смотрел на манометр. Мужик был большой и безмятежный.

– Хелло! – сказал Черемухин.

– М-м... – утвердительно кивнул мужик.

– Товарищ Рыбка? – спросил Черемухин.

– М-м... – сказал Рыбка.

– Мы едем в Бризанию, – сказал Черемухин.

Рыбка оторвался от манометра, по очереди нас осмотрел и ткнул пальцем в Лисоцкого.

– Этому нельзя.

– Почему? – испугался Лисоцкий.

– Лысый, – сказал Рыбка.

– И что? И что? – взволновался Лисоцкий.

Рыбка, не торопясь, объяснил, что лысые в Бризании дефицитны. Их там очень почитают, потому что они считаются мудрейшими. Во всей Бризании трое лысых. Из-за них постоянно воюют племена. Каждый вождь хочет иметь лысого советника. Племен там штук пятнадцать. Так что на Лисоцкого будет большой спрос.

– Ерунда! – сказал Черемухин.

Рыбка молча стянул берет. Под беретом оказалась голова. Лысая, как электрическая лампочка.

– Я два месяца был советником, – сказал Рыбка.

– И что же вы советовали? – ядовито спросил Лисоцкий.

– Вступить в ООН, – сказал Рыбка. – Но вождь все равно ни черта не понимал. Кормили хорошо.

– А как вы туда попали? – спросил я.

– Ремонтировались. Нам на винт морской змей намотался. Длинный, гадюка! – и Рыбка добавил еще пару определений змею.

– Какой морской змей?! – в один голос закричали мы. – Бризания – сухопутная страна. Она в центре Африки!

– Это теперь, – сказал Рыбка и вдруг кинулся к какому-то рычагу, потому что стрелка манометра переехала. Лисоцкий и Черемухин побежали за ним. Я тоже поплелся.

Рыбка восстановил порядок и принялся объяснять некоторые особенности географического положения Бризании. По его словам, Бризания была дрейфующим государством. Ее непрерывно вытесняли и перемещали с места на место. Когда Рыбка работал там советником, Бризания находилась на берегу Атлантического океана, рядом с Берегом Слоновой Кости. Потом произошла крупная по тем масштабам война, и Бризания переехала на восток. Война шла трое суток. Бризания, сохранив форму границ и общую площадь, победно переместилась поближе к озеру Чад, а потом еще дальше. Где она находилась теперь, Рыбка не знал. Он уже год, как перестал следить за Бризанией. Ему это надоело.

– Как же нам ее искать? – спросил я.

– Найдете! – сказал Рыбка. – Автомобилей у них нет, они кочуют медленно.

– Не может такого быть! – сказал Черемухин. – Бризания – независимое государство.

– Потому и кочует, что независимое. Когда она была колонией, за нею все-таки присматривали, – объяснил Рыбка.

– Там построен политехнический институт. Товарищи едут туда преподавать физику, – не унимался Черемухин.

Рыбка с интересом посмотрел на меня и Лисоцкого, но ничего не сказал. Взгляд его мне не понравился.

Мы ушли от Рыбки несколько подавленные загадочностью Бризании. Пришли в свою каюту, где кроме нас поселили еще одного туриста. Его звали Михаил Ильич, он был генералом в отставке. Генерал хотел освежить в памяти Европу, где он бывал во время войны. Для этой цели он вез с собою кинокамеру, фотоаппарат и портативный магнитофон. Черемухин посоветовал ему заснять в Неаполе стриптиз со звуком.

– Эти тиффози очень бурно реагируют, – сказал он.

– Фашисты недобитые, надо полагать, – сказал генерал. Но все-таки взял у Черемухина адрес кабаре.

Генерал попался любознательный. Причем ни к кому на теплоходе ниже капитана Михаил Ильич с вопросами обращаться не желал. Он шел прямо в капитанскую рубку и спрашивал:

– Правильным курсом идем?

– Так точно! – отвечал капитан. Капитан обладал чувством юмора.

– Молодцы! – хвалил генерал, смотрел на компас и уходил прогуливаться по палубе. Там он следил за порядком. Матросы быстро его запомнили и прятались за кнехты и различные мачты. Но генерал находил их и учинял малый разнос за непорядки. Туристам тоже доставалось.

Даже море побаивалось Михаила Ильича. Оно вежливо плескалось о борт «Ивана Грозного», стараясь не напоминать о себе. Морю было трудно не напоминать о себе, потому что, кроме него, ничего вокруг не было. Генерал смотрел на море требовательно и время от времени его фотографировал в порядке поощрения.

Лисоцкий с генералом подружился. Хотя был только капитаном запаса. Они ходили по палубе вместе. Генерал говорил, глядя вперед, и вспоминал боевую молодость. Лисоцкому эта привязанность чуть не стоила жизни. Но несколько позже.

Как-то незаметно мы пересекли Черное море и приблизились к Турции.

Босфор – Средиземное море

Генерал пришел в каюту с биноклем на груди. Бинокль он отобрал у капитана.

– Бос-фор! – произнес он тоном воинской команды.

Спросонья я вскочил с койки и вытянул руки по швам. Михаил Ильич повернулся через левое плечо и потопал на палубу. Лисоцкий потрусил за ним. Черемухина в каюте не было. Он уже вторые сутки сидел в коктейль-баре и тянул через соломинку что-то прозрачное разных цветов. Видимо, тренировался для дипломатических раутов.

Я вышел на палубу. Туристы стояли у борта плотными рядами и глазели на берега Босфора. Слева был Стамбул, справа Константинополь. Кажется, именно так, но не ручаюсь. Минареты торчали из города, как пестики и тычинки. Верхушки минаретов были глазированы наподобие ромовых баб. Турки размахивали рукавами халатов и кричали что-то по-турецки. Туристы с удовольствием фотографировали незнакомых турок. Генерал строго смотрел в бинокль на Константинополь.

– Условия рельефа благоприятны для высадки десанта, – сказал он Лисоцкому. Тот кивнул с пониманием. Тоже мне, десантник!

Меня кто-то обнял за плечи. Это был Черемухин. Он плакал.

– Петя, пошли со мной! Не могу больше один! – сказал он.

Пока «Иван Грозный» шел по Босфору, мы опустошали коктейль-бар. Когда мы с Черемухиным, покачиваясь, вышли на палубу, под нами было Мраморное море. Маленькое такое море, нисколько не мраморное, а обыкновенное, да еще с нефтяной пленкой на поверхности.

В это море и упал генерал. Лучше бы он упал в наше, Черное.

А вышло так. Пока мы с Черемухиным тихо пели «Раскинулось море широко...», Михаил Ильич забрался в одну из спасательных шлюпок, нависавших над водой слева по борту. Он потрогал там какие-то крепления, выпрямился и крикнул:

– Боцман! Почему шлюпка плохо зафиксирована?

Шлюпка, и вправду, была плохо зафиксирована. Она качнулась, как детская люлька, генерал взмахнул руками и полетел за борт. Падая, он успел еще что-то сказать.

Лисоцкий, который торчал рядом со шлюпкой и благоговейно наблюдал за действиями генерала, мигом накинул на шею спасательный круг и полетел следом, как подбитая птица. Он сделал тройное сальто, потеряв при этом круг, и упал в Мраморное море.

Брызги поднялись выше полубака. Может быть, даже выше бака.

Мы с Черемухиным, обнявшись, перегнулись через перила. Сзади по борту плавали отдельно генерал, Лисоцкий и спасательный круг с надписью «Иван Грозный». Генерал плывал правильным брассом, а Лисоцкий немного по-собачьи. Слева и справа от нас уже прыгали за борт матросы со страшными ругательствами сквозь зубы в адрес генерала. Получилось массовое купание.

Неразберихи было порядочно. Пока спускали шлюпку, с которой ухнул генерал, тот успел спасти Лисоцкого. Матросы тоже спасались попарно. Сверху это напоминало фигурное плавание. Спасательные круги плавали тут и там, как бублики. «Иван Грозный» застопорил машины, и шлюпка принялась подбирать купающихся.

Над нами с заинтересованным видом пролетел американский вертолет. Генерал погрозил ему пальцем из шлюпки. Потом он взобрался на борт по веревочному трапу и ушел в каюту переодеваться. Туристы устроили Лисоцкому овацию. Мокрые матросы развесили свою одежду на вантах, отчего «Иван Грозный» стал похож на парусник. И мы поплыли дальше.

Утомительное это занятие – добираться до Средиземного моря! Туристы останавливали меня на палубе и жаловались на обилие впечатлений. Будто я их гнал в этот круиз. Сидели бы дома без всяких впечатлений! И то им не нравится, и это не так. «Петя, как это плохо! Все

бегом, бегом! Турцию проскочили, Грецию проскакиваем. Впечатления наслаиваются, мешают друг другу. Завидую вам, у вас будет время посмотреть за границу не торопясь, обдуманно...» И так далее.

Это мне говорила одна дама, одинокая доцент нефтехимического института. Она каждый сезон выезжает куда-нибудь подальше и наслаивает впечатления.

А по-моему, было всего одно впечатление. Это когда Михаил Ильич упал в море. Все остальное я уже видел по телевизору в «Клубе кинопутешествий».

После Дарданелл мы поплыли по Эгейскому морю. Там целая тьма островов. Капитан весь изнервничался, лавируя между ними. На одних островах находились концентрационные лагеря, а на других – виллы миллионера Онасиса. Михаил Ильич все время смотрел в бинокль, надеясь увидеть черных полковников.

А мы, чтобы не терять времени, продолжали допрашивать Рыбку о Бризании. Рыбка приходил к нам в часы, свободные от вахты, заваливался на койку Лисоцкого, положив ногу на ногу, и начинал рассказ. Лисоцкий конспектировал, а Черемухин слушал с плохо скрываемым недоверием. Дело в том, что история Бризании в изложении Рыбки не совпадала с той, которую Черемухин изучал в институте международных отношений.

Первая же лекция Рыбки отличалась ошеломляющей информацией.

– Основал Бризанию русский человек, граф, – сказал Рыбка, выпуская из ноздрей папиросный дым. – Это было в середине прошлого века...

– Чушь! – вскричал Черемухин.

– Не хотите слушать – не надо, – сказал Рыбка, намереваясь подняться и уйти.

– Нет-нет! Рассказывайте, – потребовал Лисоцкий.

– Тогда не перебивайте... Так вот, значит, основал ее граф Алексей Буланов. Кстати, об этом имеются сведения в литературе. Граф помогал абиссинскому негусу в войне против итальянцев. Было у него такое великосветское хобби. Для начала он поездил по Африке и набрал полтора десятка бесхозных племен для своего войска.

– Повторите, сколько племен? – переспросил Лисоцкий.

– Пятнадцать, – сказал Рыбка. – Граф дал им русские имена: москвичи, новгородцы, вятичи, киевляне, ярославцы, туляки и прочие. Ему так было легче ориентироваться. Кстати, я был советником у новгородцев. Хотя сам родом из Ярославля...

И Рыбка продолжал рассказывать историю древней Бризании. Чем-то она смахивала на историю Руси. Когда граф Алексей Буланов разбил итальянцев, он увел свои племена на запад и занялся государственным устройством. Он ввел единый государственный язык и письменность. Разумеется, это был русский язык, на котором, кроме графа, в то время мог объясняться только абиссинец Васька, его ординарец. Граф придумал название стране от слова «бриз», так как был в душе моряком. Он ввел гимн и флаг. Гимном стал любимый романс графа «Гори, гори, моя звезда», а флаг он скроил собственноручно из подкладки шинели, украсив его изображением пятнадцати звезд и своим дагерротипом в центре.

– Что это такое – дагерротип? – подозрительно спросил Черемухин.

– Фотографический портрет, иными словами, – сказал Рыбка, потягивая «боржоми».

Последней объединительной акцией графа перед отбытием его в Россию стало крещение. Лавры князя Владимира не давали ему покоя. Граф загнал все пятнадцать племен в озеро Чад, сотворил молитву, осенил народ крестным знаменем и ускакал по направлению к Атлантическому океану вместе с абиссинцем Васькой.

Граф не учел одного. Крестить народ в озере Чад так же опасно, как водить хороводы по минному полю. Это вам не Днепр. Там полным-полно крокодилов. В результате крещения новоиспеченные православные потеряли треть населения и шестерых из пятнадцати вождей. В стране начались междоусобицы.

– Ну, хватит! – закричал Черемухин.

– Хватит, так хватит, – спокойно сказал Рыбка и ушел.

Потом мы долго спорили о Рыбкиных новостях. Черемухин все отрицал начисто, говоря, что Рыбка врун. Лисоцкий подходил к Рыбке более осторожно. Он считал, что Рыбка рассказал нам легенду, затемненную последующей обработкой. Примерно, как в Библии. Я же принимал все с восторгом, потому что мне нравилась такая чудесная страна.

Несмотря на разногласия, мы приглашали Рыбку еще несколько раз. Он сообщил нам немало полезного о Бризании: обычаи, нравы, культура и правовые нормы. Правовых норм было три. Все они были введены еще графом Булановым в довольно лаконичной форме:

1. Не пойман – не вор.
2. На воре шапка горит.
3. Утро вечера мудренее.

Лисоцкий исписал целую тетрадь, пока мы выбирались из Эгейского моря. Мы даже пропустили яхту Онасиса с мадам Кеннеди на борту. Генерал сфотографировал ее телескопическим объективом. Через два часа он уже сделал отпечаток и продемонстрировал его нам в мокром виде. Мадам Кеннеди показывала генералу язык. За этот снимок на Западе генералу дали бы целое состояние.

Средиземное море – Неаполь

Сразу же при входе в Средиземное море состоялась торжественная церемония встречи с Седьмым американским флотом. Он уже давно нас поджидал.

Капитан приказал поднять флаги и вывести на палубу духовой оркестр. Матросы переоделись во все праздничное. Туристы тоже подтянулись, чувствуя ответственность момента. Моя знакомая доцент даже сменила легкомысленные брючки, в которых она прогуливалась до этого времени, на строгий преподавательский френч. Оркестр грянул «Широка страна моя родная», и мы проследовали мимо опешившего Седьмого флота. Немного опомнившись, их флагманский авианосец отсалютовал нам двадцатью ракетными залпами, а потом передал какой-то текст флагами расцвечивания.

Михаил Ильич тут же пошел к капитану узнавать, что нам хотят сказать американцы. Оказалось, они предупреждали насчет шторма. По их сведениям, в самом скором времени должен был разбушеваться шторм.

– Провокация или нет? – спросил самого себя капитан.

– Конечно, провокация! – уверенно заявил генерал.

И действительно, шторм оказался неуместной провокацией. Нас бросало туда-сюда часов десять. Черемухин лежал, вцепившись зубами в спинку кровати. Лисоцкий умолял ни в коем случае не хоронить его по морскому обычаю в пучинах вод с тяжелым предметом на ногах. Он просил довести его тело до России. Генерал ругался, как во время артподготовки противника. А у меня было такое чувство, что кто-то залез холодной рукой мне в желудок и пытается вытянуть его наружу через рот. Иногда это у него получалось.

В разгар шторма к нам зашел невозмутимый Рыбка.

– Рассказать о Бризании? – спросил он.

Рыбка демонстрировал полную устойчивость при крене в сорок пять градусов. Он что-то сказал насчет цвета наших ушей, добавил пару бризанских анекдотов и ушел стоять на своей вахте. После этого случая Черемухин возненавидел Рыбку еще больше, а я еще больше зауважал.

Шторм стал стихать. Мы лежали пластом в каюте и думали о своем. Я думал о прогрессе. Кое-кто утверждает, что прогресса нет. Я взглянул на своих позеленевших от морской болезни спутников и убедился, что прогресс есть. Черемухин потянулся за бутылкой и влил в себя первые капли рома. Бутылка пошла по кругу, снова делая нас людьми. С зеленовато-багровыми физиономиями мы вышли на палубу.

Над Средиземным морем светило зарубежное солнце. «Иван Грозный» спокойно покачивался на волнах, не двигаясь с места. Во время шторма произошла какая-то неисправность, которую спешно устраняли. Метрах в двухстах от нас так же покачивался на волнах американский крейсер. Тишина и спокойствие, синее небо, синяя вода – в общем, все как полагается в этом районе земного шара в июне месяце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.